

Дарья Жульева

Шёпот ШИПОВ

18+

Дарья Жульева

Шёпот шипов

<https://litres.ru/73958548>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лилит Драконфельд — последняя из древнего рода, изгой среди вампиров. Её белые волосы и магия теней — результат запретных экспериментов отца, за которые он был казнён Советом. Семьдесят лет она выживает во дворце лжи и интриг.

Теперь четверо мужчин предлагают ей союз. Каждый хочет её — по-своему. Маг, мечтающий разгадать её тайну. Принц крови, желающий ею обладать. Полукровка, готовый убивать за один её взгляд. Древний эльф, знающий её истинную судьбу.

Но Лилит не собирается выбирать. Она поведёт их за собой — в войну против Инквизиции, против Совета, против мира, который её предал.

Тёмное фэнтези. Дарк-роман. 18+.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	14
Глава 2	28
Глава 2. Игры претендентов	28

Дарья Жульева

Шёпот шипов

Пролог

Забытые Леса. Хрустальный Грот Памяти.

Семь лун назад.

Грейхён не слышал собственных шагов.

Здесь, в сердце Леса, где корни деревьев уходили глубже, чем память любого эльфийского рода, звуки вообще значили мало. Воздух был плотным, как вода в глубоких озерах, и каждый вдох оставлял на губах привкус древней маны и тления. Тысячелетние стволы обступали тропу, их кора светилась в темноте бледно-зеленым — признак того, что древесные духи еще не уснули, еще следят за непрошеным гостем.

Грейхён нес в руках факел, но пламя горело ровно, не колеблясь. Лес не боялся огня. Лес был старше любой стихии. Просто позволял этому хрупкому созданию — эльфу, чья жизнь длилась всего несколько тысячелетий — чувствовать себя хозяином положения. Маленькая иллюзия, которую древность дарит молодости, чтобы та не сошла с ума от собственного ничтожества.

Тропа вилась между исполинскими корнями, ныряла в

овраги, где текли реки не воды, а жидкой тьмы, и снова поднималась к прогалинам, где свет трех лун пробивался сквозь густую листву, окрашивая все в призрачные, нездешние цвета.

Грейхён шел уже третьи сутки.

Хранительница ждала его у входа в Грот — полупрозрачная, почти растворившаяся в сиянии кристаллов фигура. Сколько ей было лет? Тысяча? Десять тысяч? Он никогда не спрашивал. У эльфов не принято спрашивать о возрасте. Это все равно что спросить у скалы, сколько зим она помнит, или у океана, сколько кораблей он утопил. Ответ либо уничтожит тебя знанием, либо окажется настолько чудовищно скучным, что ты пожалеешь о вопросе.

— Ты чувствуешь? — спросила она, не оборачиваясь.

Голос Хранительницы звучал как шорох сухих листьев, как треск кристаллов, растущих в крошечной тьме пещер. В нём не было тепла. В нём вообще не было ничего, кроме бесконечной, ледящей древности.

Грейхён остановился в двух шагах. Кивнул, хотя она не могла видеть. Хранительница смотрела сквозь стены Грота туда, где за милями лесов, скал и людских поселений лежала Ночная Империя. Там, в сердце тьмы, сейчас зажигались первые огни, вампиры просыпались после древнего оцепенения, и интриги нового вечера только начинали плести свои смертельные кружева.

— Полотно мира дрожит, — сказал он вслух. Голос про-

звучал глухо, словно Лес не хотел пропускать эти слова дальше, впитывал их в себя, как губка. — Как натянутая струна перед тем, как лопнуть.

— Не перед тем, как лопнуть, — Хранительница наконец повернулась, и её глаза — два куса вечности, в которых можно было утонуть без надежды на спасение — встретились с его взглядом. — Перед тем, как **порвать**. Есть разница. Лопнуть может слабая струна, плохо настроенная, сделанная из дрянного материала. А порвать можно только то, что слишком сильно натянуто. То, что должно выдержать, но не выдерживает. То, что создано для вечности, но трескается под тяжестью мига.

Она говорила загадками. Эльфы всегда говорят загадками. Но сегодня в её голосе звучало нечто большее — не просто привычная туманность древнего существа, а настоящая, неподдельная тревога.

Хранительница жестом пригласила его войти.

Грот Памяти не был пещерой в привычном смысле. Это был момент, застывший в кристалле. Каждая грань здесь хранила чью-то жизнь, смерть, клятву или предательство. Тысячи тысяч граней, уходящих в бесконечность, в самое начало мира, когда первые боги еще ходили по земле и не считали нужным прятаться от смертных.

Здесь пахло временем. Не пылью, не тленом, не старостью. Самим временем — тем, что нельзя понюхать, но можно почувствовать каждой клеткой тела, каждым нервом,

каждым ударом сердца, который здесь, в Гроте, звучал так гулко, будто ты стоишь внутри огромного барабана.

Хранительница подвела его к центральному кристаллу — огромному, в три человеческих роста, пульсирующему тусклым багровым светом. Он был похож на сердце. На сердце великана, спящего в горе. На сердце мира, которое вдруг забилося чаще, почувяв опасность.

— Смотри.

Она коснулась поверхности длинными, неестественно бледными пальцами, и внутри кристалла зашевелились тени.

Грейхён увидел женщину.

Она стояла на вершине чего-то, что могло быть башней, а могло быть горой из тел — видение дрожало, расплывалось, не давая рассмотреть детали. Белые волосы, распущенные, как вода, падающая с утеса, струились по ветру, которого не было, и каждый волосок светился собственным, внутренним светом. Глаза цвета... нет, не цвета, а **вкуса**— спелого граната, раздавленного пальцами, чтобы брызнул сок, смешанный с кровью. В них не было ни страха, ни сомнения, ни той пустоты, что бывает у обречённых.

В них была **сила**.

Тени струились от неё во все стороны, как щупальца, как кнуты, как крылья. Они не просто окружали её — они были её частью, продолжением её воли, живой тканью, дышащей в унисон с её сердцем. Тьма вокруг неё не была пустой. Она была **присутствием**.

Вокруг женщины — четыре силуэта.

Один пылал, как живой костёр, и его рыжие волосы горели в ночи, бросая вызов самой тьме. Второй был соткан из холода и бархата, изысканный, как яд в хрустальном бокале. Третий — комок ярости и металл по первому слову. Четвертый... четвертый был похож на него. Почти.

Грейхён вздрогнул.

— Кто она? — спросил он, хотя уже знал ответ. Или боялся его узнать.

Хранительница улыбнулась той улыбкой, от которой у эльфов стынет кровь в жилах. Улыбкой, не предвещающей ничего хорошего. Улыбкой, которая бывает у существ, знающих правду, но не спешащих ею делиться, потому что правда имеет свойство убивать.

— Ты же знаешь древнее пророчество, Грейхён. — Она говорила медленно, смакуя каждое слово, словно пробовала его на вкус. — То, которое старейшины шепчут в самые темные ночи, когда луны прячутся за тучи и даже бессмертные боятся собственных снов. «Когда на трон из пепла взойдёт дитя трёх лун, кровь четырёх стихий станет её венцом, а мир расколется, как переспелый плод».

— Это просто сказки, — возразил он, но голос дрогнул. Предательски, отвратительно дрогнул. Как у мальчишки, впервые увидевшего призрака. — Старушечьи побасенки, чтобы пугать молодняк. В каждой древней культуре есть такие. Символы, метафоры, ничего конкретного.

— Посмотри еще раз. На плод.

Хранительница провела пальцем по воздуху, и видение приблизилось, стало резче, словно кто-то навел фокус. Грейхён увидел то, что сжимала в руке беловолосая девушка. То, что он принял за часть её одежды или украшения.

Гранат.

Огромный, размером с человеческую голову. Его кожа уже треснула, и из трещины сочилась не жидкость — **тьма**. Густая, живая, пульсирующая в такт сердцебиению девушки. Она стекла по её пальцам, падала на землю и там, где касалась, прорастала чёрными цветами с алыми прожилками.

— Это не просто пророчество, — продолжала Хранительница. — Это описание. То, что уже происходит. Ты видишь будущее, Грейхён. Не возможное. Не одно из многих. А то, что будет. То, что уже начало сбываться в тот момент, когда этот плод лопнул.

— Где она? — спросил он, не в силах оторвать взгляд от девушки. От её глаз. От её насмешливой, почти жестокой улыбки. — В какой части мира?

— Она уже здесь. — Хранительница говорила тихо, но каждое слово падало в тишину Грота, как камень в стоячую воду. — Она уже родилась. Выросла. Стала сильной. И скоро весь Эндимион услышит этот треск. Треск лопающейся кожиры. Треск мира, который никогда не будет прежним.

— Сколько у нас времени?

— Времени? — Она рассмеялась. Смех был похож на раз-

бывающийся хрусталь. — У нас нет времени, Грейхён. У нас есть только выбор. Выбор, который нужно сделать **сейчас**, потому что завтра будет поздно. Потому что завтра она уже начнёт собирать свою жатву.

— Что нам делать?

— Ждать. И выбирать сторону. Потому что **Гранатовую Гекату** нельзя остановить. Можно только пойти за ней... или умереть под её тенями. Третьего не дано. Ни для тебя. Ни для меня. Ни для всего этого мира.

Кристалл погас.

Тьма в Гроде сгустилась до такой плотности, что Грейхён на мгновение испугался — по-настоящему, животным страхом, который он не испытывал уже тысячу лет — что свет никогда не вернётся. Что они останутся здесь, в этой чёрной пустоте, **навсегда**.

Но Хранительница щёлкнула пальцами, и зажглись тысячи маленьких кристаллов, разгоняя тьму.

Грейхён перевёл дух.

И тут он вспомнил.

Перед тем как видение исчезло, перед тем как тьма поглотила Грот, он успел заметить одну деталь. Маленькую. Незначительную. Таковую, на которую любой другой не обратил бы **внимания**.

Глаза девушки.

Они смотрели **прямо на него**.

Не в пространство, не в будущее, не на врагов, которых

еще нет. А на него. Сквозь время, сквозь пространство, сквозь хрустальную стену Грота, сквозь тысячелетия, разделяющие видение и реальность.

И в них не было ни страха, ни мольбы, ни нежности, ни той пустоты, что бывает у пророческих фигур.

Только насмешка.

Тихая, спокойная, абсолютная насмешка существа, которое знает всё наперед. Которое видит его, Грейхёна, стоящего здесь, в Гроте, за семь лун до их первой встречи. Которое уже знает, как всё будет. Которое уже приняло решение.

— Она видит меня, — прошептал он.

Хранительница молчала. Но в её молчании было больше слов, чем в любой речи.

— Что мне делать? — повторил Грейхён. Теперь в его голосе не было вопроса. Была мольба.

— Ты уже знаешь, — ответила Хранительница. — Ты всегда знал. С того самого момента, как впервые услышал это пророчество тысячу лет назад. Ты просто боялся себе признаться.

— Я не хочу умирать.

— А кто хочет? — Она покачала головой. — Но иногда смерть — не самое страшное, Грейхён. Иногда страшнее — не жить. Не попробовать. Не узнать. Не прикоснуться к тому, ради чего ты появился на свет.

— Я появился на свет, чтобы служить Лесу.

— Ты появился на свет, чтобы сделать выбор. Лес — это

просто место. А выбор — это то, что определяет, кто ты есть.

Грейхён молчал долго. Так долго, что Хранительница уже начала превращаться обратно в полупрозрачную статую, растворяясь в сиянии кристаллов.

— Я пойду к ней, — сказал он наконец.

— Знаю.

— Я попытаюсь... я не знаю, что я попытаюсь. Понять? Помочь? Остановить?

— Ты попытаешься жить, — ответила Хранительница, и в её голосе впервые за весь разговор прозвучало что-то, похожее на тепло. — Впервые за тысячи лет ты попытаешься просто жить. Не служить. Не выполнять долг. Не следовать пророчеству. А жить. И это будет твоим самым страшным и самым прекрасным приключением.

Она исчезла.

Грейхён остался один в Гроте Памяти, окруженный тысячами жизней, которые могли бы быть его, но не стали. И одной жизнью, которая ещё могла стать.

Он сжал в руке чёрную розу, сорванную у входа в Лес. Ту, что станет их первой связью.

— Гранатовая Геката, — прошептал он в тишину. — Что же ты такое?

Ответа не было.

Но где-то далеко, в Ночной Империи, юная вампирша с белыми волосами внезапно проснулась среди ночи, чувствуя, как тени в её комнате взволнованно мечутся по сте-

нам.

Она села в постели, прижала руку к груди, где сердце билось быстрее обычного.

— Странно, — сказала она пустоте. — Мне приснилось, что кто-то позвал меня по имени. Только имени я не расслышала.

Тени успокоились, прильнули к ней, как испуганные дети к матери.

Она легла обратно, но сон не шёл.

Где-то в Забытых Лесах эльф с серебристыми волосами смотрел на кристалл, в котором только что погасло видение, и думал о том, что семь лун — это и целая вечность, и всего лишь миг.

Глава 1

Часть I: Клетка из бархата

Глава 1. Багровый бал

Ноктхейм, Ночная Империя.

День смотрин, за час до заката.

— Ты опять не дашь себя уложить, я чувствую.

Себастьян стоял в дверях спальни с выражением лица человека, который триста лет назад окончательно смирился с неизбежным и теперь просто наблюдает за процессом с отстранённым интересом учёного, изучающего повадки особенно вредного вида насекомых.

Лилит даже не обернулась.

Она стояла у огромного окна, выходящего на восточную часть Ноктхейма, и вечерний свет трёх лун только начинал разгораться, окрашивая город в призрачные, неземные тона. Алая луна только всходила, её багровый диск медленно выползал из-за шпилей Дворца Света. Лиловая висела в зените, заливая город холодным фиолетовым сиянием, от которого у вампиров слегка кружилась голова — если они были молоды и неопытны. Бледная, самая старая и самая тусклая из трёх, лениво тянулась за горизонт, готовясь уступить место ночи.

Волосы Лилит — белые, распущенные, падающие ниже

пояса тяжелым водопадом — ловили этот тройной свет и отражали его так, что казалось, будто сама луна запуталась в них и не может выбраться.

— Уложить? — переспросила она, не отрывая взгляда от города. Голос звучал лениво, с хрипотцой — она только что проснулась и ещё не успела выпить свою вечернюю порцию крови. — Себастьян, милый, ты перечитался романтических баллад. Меня можно убить, можно сжечь, можно даже, при известной доле везения, рассеять по ветру так, что и пепла не соберут. Но уложить? В кроватку? С колыбельной? С пожеланием сладких снов?

Она обернулась, и старый вампир невольно сделал шаг назад.

Глаза.

Каждый раз одно и то же. Семьдесят лет он смотрит в эти глаза, и каждый раз забывает, насколько они... невозможны. Цвет граната, раздавленного в крови. Цвет запрета. Цвет силы, которая не должна была достаться девчонке, чей отец...

— Хватит вспоминать отца, — перебила его мысли Лилит. — У тебя на лице всё написано, как в открытой книге. «Ах, бедный лорд Драконфельд, ах как бы он гордился, ах, что же мы делаем не так, ах, куда катится этот мир». Я права?

Себастьян вздохнул. Он давно перестал удивляться её способности читать мысли по мимике. У неё вообще было много способностей, которых не должно было быть у нормального вампира её возраста. Белые волосы — раз. Граната

товые глаза — два. Магия теней, которой не обучают в семьях — три. И эта жуткая, почти неприличная способность видеть людей насквозь, сдирать с них кожу одним взглядом — четыре.

— Вы правы, госпожа, — сухо ответил он, поправляя идеально накрахмаленный воротник. — Лорд Драконфельд гордился бы. И, возможно, уже вызвал бы на дуэль половину Совета за те разговоры, что ведутся о вас в последнее время.

— Какие разговоры?

— Вы знаете какие.

Она знала.

«Белая ворона». «Выродок». «Ошибка природы». «Игрушка для смелых». «Приз для того, кто рискнёт». И самое любимое, то, что шептали за её спиной уже лет двадцать — «Гранат, который нужно сорвать, пока он не упал и не разбился».

Лилит усмехнулась. Усмешка вышла кривой, злой, но в глазах мелькнуло что-то, похожее на усталость.

— Пусть говорят. Мне не привыкать.

Она отвернулась к окну, но Себастьян видел, как напряглись её плечи под тонким шёлком домашнего халата. Маленькая деталь, которую не заметил бы никто, кроме того, кто вырастил эту странную, колючую, невозможную девчонку. Кто менял ей пелёнки, когда она не умела ходить. Кто учил её читать и писать. Кто держал её за руку, когда хоронили отца, и она, маленькая, с белыми волосами, которые

тогда ещё не отросли до пояса, смотрела в пустоту сухими гранатовыми глазами и не плакала.

Никогда не плакала.

— Госпожа, — мягко сказал он, делая шаг в комнату. — Сегодняшний бал — не просто развлечение. Это смотрины. Четыре Дома, четыре претендента, четыре пути вам придётся выбрать.

— Выбрать? — Лилит рассмеялась. Смех был горький, как полынь, как кровь старого вампира, которую пьют только в минуты отчаяния. — Себастьян, милый, ты путаешь меня с невестой на выданье. Я — глава Дома Драконфельд. Единственная выжившая. Последняя в роду, чья кровь тянется к самим основателям Империи. И ты хочешь сказать, что я должна выбрать одного из этих... этих...

Она запнулась, подбирая слова, которые выразили бы всю её глубину презрения.

— Индюков? — подсказал Себастьян с каменным лицом. — Павлинов? Самовлюблённых идиотов с комплексом бога и полным отсутствием мозгов?

— Слишком мягко. Но направление мысли верное.

Лилит отошла от окна и приблизилась к зеркалу во весь рост. Семьдесят лет она смотрела в это зеркало и до сих пор не привыкла к тому, что видит. Белые волосы. Бледная кожа — более бледная, чем у любого вампира её возраста. Глаза, которые в полумраке светились собственным светом.

На ней было платье цвета запекшейся крови — глупо-

кий, тёмный оттенок, который при дневном свете казался почти чёрным, но при движении вспыхивал алыми искрами, как угли, в которые дунули ветром. Корсет облегал фигуру, подчёркивая талию и грудь, но не сковывая движений — Себастьян знал своё дело. Юбка струилась тяжёлым шёлком, расшитым мельчайшими рубинами, которые при каждом шаге вспыхивали красными огоньками, словно капли крови.

Декольте было достаточно глубоким, чтобы дразнить, но достаточно сдержанным, чтобы не давать повода для сплетен. Идеальный баланс между «я доступна» и «отойди, смертный, не то пожалеешь».

— Что скажешь? — спросила она, поворачиваясь к Себастьяну.

Старый вампир окинул её долгим, оценивающим взглядом. Не мужским — он вырастил её, и мысль о том, чтобы смотреть на неё как на женщину, вызывала у него такое же отвращение, как мысль о кровосмешении. Профессиональным. Взглядом камердинера, который триста лет одевал аристократов и знал о моде всё.

— Я скажу, что вы выглядите как сама смерть в день своей свадьбы, — честно ответил он. — Это комплимент.

— Я знаю.

Она провела рукой по волосам, поправляя прядь, упавшую на лицо, и на мгновение Себастьяну показалось, что в комнате стало темнее. Тени у ног Лилит шевельнулись, по-

тянулись к ней, как котята к матери, как псы к хозяину, и замерли в ожидании приказа.

Он никогда не привыкнет к этому зрелищу. Тени, которые слушаются. Тьма, которая любит.

— Ты будешь рядом? — спросила она, и в голосе мелькнуло что-то, похожее на... нет, не страх. Лилит не боялась. Она вообще, кажется, была не способна на это чувство. Но возможно, усталость. Или одиночество.

— Всегда, госпожа.

— Тогда идём. Покажем этим... индюкам... что такое настоящая охота.

Она шагнула к двери, и тени послушно расступились перед ней, как море перед пророком.

Бальный зал Ноктхейма не был залом в человеческом понимании.

Это был другой **мир**.

Потолок терялся где-то в вышине, скрытый иллюзией настоящего ночного неба — не той жалкой поделки, что маги творят для дешёвых эффектов, а настоящего, живого неба, в котором три луны вращались в вечном танце, сменяя друг друга. Алая, Лиловая, Бледная. Кровь, магия, смерть.

Пол был выложен мозаикой из чёрного обсидиана и кровавого мрамора, и в каждом камне пульсировала едва заметная магия — древняя, как сам Ноктхейм. Говорили, что эти камни помнят первого Императора, что они впитали кровь

тысяч рабов, на которой строили город.

Стены исчезали за бесконечными рядами зеркал, но смотреть в них было опасно — никто не знал, чьё отражение ты увидишь вместо своего. Иногда зеркала показывают прошлое. Иногда — будущее. Иногда — то, чего никогда не было, но могло бы быть, если бы ты в детстве выбрал другую дорогу.

Гости уже собрались.

Их было несколько сотен — аристократия Ночной Империи во всём великолепии и уродстве. Вампиры в одеждах, стоимость которых равнялась годовому бюджету небольшого города, с лицами, застывшими в вечной полуулыбке превосходства. Эльфийские дипломаты в струящихся серебристых одеждах, от которых рябило в глазах — они держались особняком, презирая всех и каждого. Несколько магов в строгих чёрных мантиях, выделяющихся на общем фоне, как вороны среди павлинов — их пригласили только потому, что без них политика империи была бы невозможна. И даже пара демонов-полукровок в углу, которых пригласили, видимо, для экзотики, и чтобы было кого травить в перерывах между сплетнями.

Лилит вошла, когда Алая луна достигла зенита.

Она не стала делать эффектную паузу в дверях. Не стала ждать, пока объявят её имя, пока лакеи ударят в гонги, пока толпа расступится в притворном почтении. Она просто шагнула внутрь, как шагают в воду — зная, что вода примет, об-

нимет, утопит.

И вода приняла.

Зал затих.

Лилит шла по мозаичному полу, и её каблуки выбивали дробь, громкую, как выстрелы в этом внезапном безмолвии. Тяжёлый шёлк платья шелестел, рубины вспыхивали алыми искрами, волосы струились за спиной белым знаменем.

Она чувствовала взгляды на своей коже — сотни взглядов, от любопытных до откровенно хищных. Она знала, что они видят: белые волосы, которые невозможно скрыть и невозможно объяснить. Гранатовые глаза, которые светились в полумраке, как угли. Платье, которое обнимало её, как любовник.

Она улыбнулась. Холодно. Насмешливо. С вызовом.

И зал выдохнул.

— Гранатовая сучка наконец появилась, — донёсся кто-то слева, из толпы молодых вампиров, жмущихся к колоннам.

— Тише. Она услышит.

— Пусть слышит. Ей повезло занять своё место.

Лилит не обернулась. Она запомнила голос. Молодой, наглый, самоуверенный. Какой-нибудь сынок третьестепенного Дома, который думает, что древность рода измеряется деньгами папаши. Потом, когда-нибудь, когда вечер закончится, когда Смотрины останутся в прошлом, она найдёт его обладателя и объяснит ему, что такое «место» на языке теней.

Но не сейчас.

Сейчас она искала их.

Четверо.

Они должны быть здесь. Смотрины без претендентов — это как охота без добычи, как ужин без крови, как бал без музыки.

Первым она увидела Томаса.

Он стоял у колонны, отделанной чёрным жемчугом, и лениво потягивал что-то из хрустального бокала — скорее всего, кровь молодого эльфа, самую дорогую и редкую. Высокий, безупречный, с чёрными волосами, уложенными так, что любой придворный парикмахер удавился бы от зависти. Серые глаза — холодные, как вода в горных озёрах, как лёд, под которым не видно дна — смотрели прямо на неё с выражением кота, заметившего особенно жирную мышшь.

Томас де Винтер. Принц Крови Дома НоктюРН. Триста семьдесят лет, чистокровный, не женат, без скандалов. Холодный, как смерть, и опасный, как она же.

Он поднял бокал в насмешливом тосте.

Лилит не ответила. Только чуть прищурилась, давая понять: я тебя вижу, я тебя оценила, но бежать в твои объятия пока не собираюсь.

Вторым был Марк.

Маг стоял на балконе, отдельно от остальных, и его рыжие волосы горели в свете Алой луны, как сигнальный костёр, как вызов всей этой бледной аристократии. Он не смотрел на неё с вожделением или любопытством. Он смотрел с хо-

лодным, профессиональным интересом учёного, увидевшего редкий экземпляр. «Интересно, как она устроена внутри. Что делает её такой... неправильной».

Марк Аврелий. Маг Пламени Гильдии. Сто двадцать лет — младенец по меркам Империи, но уже легенда в своих кругах. Говорят, его огонь может сжечь не только тело, но и память. Говорят, он сжёг своего учителя, когда тот попытался его предать.

Лилит мысленно показала ему средний палец. Она была уверена, что магические артефакты, которыми он нашпигован, позволяют ему этот жест увидеть и правильно интерпретировать.

Третьего она почувствовала, прежде чем увидела.

Тени у ног шевельнулись, предупреждая об опасности. Не о той, что грозит немедленной смертью, а о другой — глубокой, древней, животной. Об опасности, которая исходит от существа, не знающего правил, не признающего этикета, не боящегося ничего.

Лилит перевела взгляд в тёмный угол у входа, где не горело ни одного светильника, где тьма была плотной, как дёготь, как смола, как сама ночь до появления лун.

Каин.

Он стоял там, прислонившись к стене, скрестив руки на груди. Его глаза — один янтарный, другой гранатовый — смотрели не на неё. Они смотрели вокруг. На гостей. На выходы. На потенциальные угрозы. На каждого, кто мог бы по-

дойти слишком близко, кто мог бы сделать резкое движение, кто мог бы вытащить оружие.

Он был единственным во всём зале, кому было плевать на её внешность, на её титул, на её белые волосы и гранатовые глаза.

Лилит почувствовала что-то странное. Тёплое. Неуместное. Кажется, это называлось «симпатия». Она тут же задавила это чувство на корню, растоптала, сожгла дотла. Симпатия — это слабость. Слабость — это смерть.

Каин. Полукровка. Демон и вампир, смешанные в пропорциях, которые никто не рискнул бы высчитывать. Изгой. Наёмник. Говорят, он убил своего отца-демона, когда тот попытался сожрать его мать-вампиришу. Говорят, он носит на теле оковы, чтобы сдерживать свою вторую половину.

Четвёртый не появился.

Грейхёна нигде не было. Ни среди эльфов, которые держались особняком, ни в толпе аристократов, ни на балконах, ни в тени колонн. Только на одном из столов, среди яств и напитков, среди хрусталя и серебра, лежала чёрная роза — цветок из Забытых Лесов, который не мог расти нигде больше, потому что его лепестки питались только магией древнего леса.

К стеблю была приколота записка.

Лилит подошла к столу, игнорируя взгляды, игнорируя шёпот, игнорируя всё. Взяла розу. Развернула записку.

Одна фраза, написанная серебряными чернилами, кото-

рые светились в темноте собственным, внутренним светом:

«Геката просыпается. Ты готова?»

Сердце пропустило удар.

Всего один. Маленький. Почти незаметный.

Но тени у ног взметнулись вверх, закрывая её от чужих взглядов на долю секунды, и этого было достаточно, чтобы никто не увидел, как изменилось её лицо.

Геката.

Она сжала записку в кулаке, и тени жадно слизнули её, превратив в пепел, в ничто, в пустоту.

— Леди Драконфельд! — раздался рядом голос, сладкий, как патока, как яд, как обещание чего-то запретного. — Какая честь! Вы сегодня ослепительны! Просто сияете! Весь зал только о вас и говорит!

Леди Элоиза де Лунэ, «Паучиха» Ночного Двора, материализовалась рядом, как кошмар из светской хроники, как неизбежное зло, как налоги и смерть. Её коньячные глаза сияли неподдельным (или отлично сыгранным) восторгом. Тёмно-рыжие волосы были уложены в сложную конструкцию, которая, кажется, жила собственной жизнью. Платье — зелёное, как яд, как глаза змеи — облегалo фигуру так, что становилось понятно: леди Элоиза ничего не носит под ним. Совсем.

— Леди Элоиза, — кивнула Лилит, позволяя взять себя под руку. Сопротивляться было бесполезно — Паучиха всё равно доползёт, куда хотела. — Вы сегодня... почти неотра-

зимы.

Комплимент с двойным дном. «Почти» — потому что настоящая неотразимость бывает только у молодости, а Элоизе было за четыреста, и даже вампирская косметика не могла скрыть вечную усталость в уголках глаз.

Элоиза оценила. Усмехнулась уголками губ.

— Ох, деточка, — она сжала руку Лилит чуть сильнее, чем требовал этикет. — Пойдём, я покажу тебе главных игроков этой ночи. Знаешь, кто больше всех поставил на твой... эм... выбор? Какие ставки? Какие интриги плетутся за твоей спиной?

— Я не лошадь на скачках, леди Элоиза.

— О, все мы здесь лошади, милая. Просто у кого-то порода лучше, а кто-то годится только для того, чтобы возить уголь. Пойдём. Тебе нужно знать, кто на тебя ставит. И кто ставит против.

И Лилит позволила увести себя в этот танец, в этот балаган, в этот змеиный клубок, который назывался «высшим светом» Ночной Империи.

Впереди была длинная ночь.

И она даже не подозревала, что эта ночь изменит всё.

Что где-то в тени за ней следит пара разноцветных глаз — янтарный и гранатовый. Что на балконе маг уже строит планы, как заполучить её в свою лабораторию. Что у колонны принц крови пробует на вкус её имя вместе с эльфийской кровью.

И что там, далеко, за пределами Империи, в Забытых Лесах, эльф с серебристыми волосами смотрит на неё сквозь хрустальный шар и шепчет имя, которого она ещё не знает за собой.

Геката.

Глава 2

Глава 2. Игры претендентов

Леди Элоиза вела её сквозь толпу, как опытный рулевой ведёт корабль по опасным водам, полным рифов и подводных течений.

Она знала всех. Каждое лицо, каждое имя, каждый скандал, каждую тайну, каждую слабость. Она останавливалась через несколько шагов, чтобы бросить пару слов тому, улыбнуться этому, обменяться ничего не значащими любезностями с третьим, и при этом её пальцы всё время оставались на руке Лилит — собственнический жест, который яснее любых слов говорил: «Эта девочка сейчас со мной, и если вы хотите до неё добраться, вам придётся иметь дело со мной».

Или, что было более вероятно: «Эта девочка сейчас со мной, и если вы хотите до неё добраться, вам придётся заплатить мне».

Лилит позволяла. Смотрела, слушала, запоминала. Имена, лица, интонации, взгляды. Всё это когда-нибудь пригодится. Всё это когда-нибудь станет оружием.

— Вон тот, в лиловом, — Элоиза кивнула в сторону пожилого вампира с лицом, изъеденным какой-то древней болезнью, которую даже вампирская регенерация не могла по-

бедить. — Герцог Мортимер. Десять лет не выходил из дома, а тут явился. Как думаешь, почему?

— Потому что его долги перед тремя Домами достигли критической массы, и он надеется, что брак с кем-то из рода поправит положение? — лениво предложила Лилит.

Элоиза хмыкнула.

— Умная девочка. Но не угадала. У него нет долгов. У него есть дочь. Уродливая, старая, никем не востребованная. Он надеется, что на Смотринáх найдётся кто-то, кто позарится на её приданое. А приданое у него — три золотых рудника на юге.

— И он смотрит на меня, потому что...

— Потому что, если ты выберешь кого-то из его знакомых, он сможет подкатиться через тебя. Ты же теперь будешь вхожа во все дома, девочка. Ты станешь ключиком ко многим дверям.

Лилит поморщилась.

— Я не ключик.

— Знаю. — Элоиза похлопала её по руке. — Ты отмычка. Но об этом мы пока помолчим.

Они прошли мимо группы молодых вампирш, которые проводили Лилит взглядами, полными такой концентрированной ненависти, что её можно было разливать по бутылкам и пробовать как яд.

— Кузины Томаса, — прокомментировала Элоиза. — Все четыре незамужние, все мечтают о своём царственном род-

ственнике, и они знают, что у них шансов ноль. А тут появляешься ты — белая, глазастая, с магией, о которой они могут только мечтать. Они бы тебя сожрали с потрохами, если б могли.

— Пусть попробуют, — усмехнулась Лилит.

— О, не сомневайся, попробуют. Только не здесь и не сегодня. Сегодня они будут милыми и пушистыми. А завтра... завтра кто-то из них подошлёт к тебе наёмника с отравленным кинжалом.

— Я буду ждать.

Элоиза остановилась и внимательно посмотрела на Лилит. В её коньячных глазах мелькнуло что-то, похожее на уважение.

— А ты мне нравишься, деточка. Правда нравишься. Жаль, что ты обречена.

— Это почему ещё?

— Потому что в этом мире выживают только те, кто готов играть по правилам. А ты, милая, правила ненавидишь. Ты хочешь их сломать. И однажды они сломают тебя.

Лилит хотела ответить, но в этот момент рядом появился слуга — молодой вампир в одеянии Дома Ноктюрн, с лицом, лишённым всякого выражения.

— Леди Драконфельд, — поклонился он. — Принц Томас просит вас уделить ему несколько минут. В Малой Зелёной гостиной.

Элоиза понимающе улыбнулась.

— Первый ход, — пропела она. — И от самого главного игрока. Иди, деточка. Я подожду здесь. И помни: не соглашайся ни на что с первой фразы. Заставь его попотеть.

Лилит высвободила руку и последовала за слугой.

Малая Зелёная гостиная оказалась комнатой размером с балльный зал небольшого особняка.

Стены здесь были обиты зелёным бархатом такого глубокого, тёмного оттенка, что он казался чёрным, пока свет трёх лун не падал на него под определённым углом. Мебель — резное чёрное дерево с изумрудными вкраплениями. На стенах — картины, изображающие сцены охоты, но не на зверей, а на людей. На полу — ковёр, в который были вплетены настоящие перья райских птиц.

Томас стоял у камина, в котором горел огонь — редкая роскошь для вампирского жилища, потому что огонь требует дров, а дрова — это запах, а запах может выдать слабость или голод.

Он обернулся, когда она вошла, и слуга бесшумно исчез за дверью.

— Лилит, — сказал он просто, без титулов. — Рад, что вы пришли.

Она остановилась на пороге, не делая шага внутрь.

— Я ещё не пришла. Я стою в дверях. Есть разница.

Он улыбнулся. Улыбка у него была... опасной. Не той показной опасностью, которой пугают детей, а настоящей, спокойной, уверенной. Улыбкой хищника, который знает, что

Он хищник, и не видит в этом ничего плохого.

— Хорошо. Стоите в дверях. Это вас устраивает?

— Пока да.

— Тогда поговорим так.

Он сделал глоток из бокала, который держал в руке. Тот самый, с эльфийской кровью. Лилит почувствовала запах — сладковатый, пряный, с нотками чего-то лесного, древнего.

— Хотите? — предложил он, заметив её взгляд.

— Я не пью с незнакомцами.

— Мы незнакомцы? — Он притворно удивился. — Лилит, мы знакомы семьдесят лет. Я видел, как вы учились ходить. Я присутствовал на похоронах вашего отца. Я присылал вам цветы на каждый день рождения.

— Вы присылали мне цветы, которые вяли через час, потому что были пропитаны ядом, замедляющим старение. Это не подарки, это эксперименты.

Томас рассмеялся. Смех у него оказался приятный — глубоким, тёплым, совсем не таким, какого можно было ожидать от этой ледяной статуи.

— Вас не обманешь, — сказал он. — Это восхитительно. Знаете, в чём ваша главная проблема, Лилит?

— В том, что я слишком часто слышу этот вопрос от мужчин, которые думают, что они первые, кто его задал?

Он улыбнулся шире.

— Ваша проблема в том, что вы слишком умны для своего положения. Слишком умны, чтобы быть просто красивой

игрушкой. И слишком красивы, чтобы вас можно было игнорировать. Вы застряли между двумя мирами — и ни один не хочет принимать вас полностью.

— И вы пришли предложить мне третий?

— Я пришёл предложить вам союз.

Он поставил бокал и сделал шаг к ней. Один шаг. Теперь между ними было метра три, но Лилит показалось, что расстояние сократилось до нуля.

— Посмотрите на этот зал, — продолжал Томас. — На этих людей. На этих индюков и павлинов, которые только и ждут, чтобы вы оступились. Они хотят вас сожрать, Лилит. Каждый из них. Кто-то — в постели, кто-то — в политических играх, кто-то — в прямом смысле. Вы одна. У вас нет семьи, нет союзников, нет армии. У вас есть только ваша магия и ваша голова.

— И Себастьян.

— И Себастьян, — согласился он. — Один старый слуга против целой Империи. Отличные шансы.

— К чему вы клоните?

— К тому, что я могу дать вам защиту. Не ту, которую дают игрушкам и любовницам. Настоящую. Статус, власть, неприкосновенность. Стань моей женой, и никто даже косо посмотреть не посмеет в вашу сторону.

Лилит молчала долгую минуту. Потом она сделала шаг в комнату.

— Томас, — сказала она мягко, почти ласково. — Вы

красивый мужчина. Умный. Влиятельный. Любая женщина в этом зале мечтает оказаться на моём месте. Но я не любая женщина.

— Я знаю.

— Тогда вы должны знать и то, что я не стану ничьей женой. Ни вашей, ни Марка, ни Каина, ни того таинственного эльфа, который шлёт мне цветы с записками. Я — глава Дома Драконфельд. Я не собственность.

— Я не предлагаю вам стать собственностью. Я предлагаю стать вам **равной**.

— Равной? — Лилит усмехнулась. — Томас, милый, мы оба знаем, что в вашем мире нет равных. Есть те, кто правит, и те, кто подчиняется. И вы никогда не уступите трон никому, даже самой красивой женщине в Империи.

Он смотрел на неё долго. Очень долго. Потом вдруг улыбнулся — совсем другой улыбкой, не той, холодной и опасной, а почти человеческой.

— А вы действительно умны, — сказал он. — Жаль. Правда жаль. Из нас вышла бы отличная пара.

— Кто знает, — пожала плечами Лилит. — Может, ещё выйдет. Только без титулов. Без обязательств. На равных.

— На равных не бывает, — повторил он её слова.

— Значит, будем играть в ту игру, где равных не бывает. И посмотрим, кто кого.

Она развернулась и вышла, не прощаясь. Но в дверях остановилась на секунду и бросила через плечо:

— И спасибо за намёк про кузин. Я запомню.

Когда она ушла, Томас долго смотрел на дверь. Потом поднёс бокал к губам и прошептал в темноту:

— Гранатовая Геката... Интересно, кто тебя так назвал. И знаешь ли ты сама, что это значит.

Элоиза ждала её там же, где и оставила, но теперь рядом с ней стоял **Марк**.

Рыжий маг выглядел неуютно в этом море аристократии — как волк, случайно попавший на выставку собак. Он держался прямо, но Лилит видела, как его пальцы нервно теребят край мантии, а глаза постоянно сканируют толпу в поисках угроз.

— А вот и наша девочка! — пропела Элоиза. — Марк как раз спрашивал о вас. Говорит, у него к вам деловое предложение. Я оставлю вас, молодые люди. Мне нужно срочно спасти герцогиню Вестминстерскую от скандала — она опять пытается соблазнить чужого мужа.

И исчезла, растворилась в толпе, как и положено Паучихе.

— Лилит, — кивнул Марк.

— Марк, — ответила она. — Вы уже достали свои скальпели или ещё нет?

— Я маг, а не хирург. — Он поморщился. — И я пришёл с миром.

— С миром? В Ночную Империю? Смелое заявление. Здесь даже приветствия звучат как угрозы.

— Я заметил. — Он оглянулся на толпу. — Как вы тут

живёте? Постоянно же надо следить за спиной.

— Привычка. Как дышать.

Они помолчали. В толпе кто-то громко рассмеялся, заиграла музыка — какой-то эльфийский оркестр начал новую мелодию.

— Я серьёзно насчёт предложения, — сказал Марк. — Гильдия готова предложить вам защиту. Не ту, что Томас, не политическую, а реальную. Магическую. Мы можем поставить на ваш особняк такие барьеры, что ни один наёмник не пройдёт.

— В обмен на что?

— В обмен на возможность изучать вашу магию.

— Резать?

— Изучать. — Он вздохнул. — Лилит, поймите, вы — уникальное явление. Белые волосы у вампира — это мутация, да, но объяснимая. А магия теней... её не должно у вас быть. Тени — это стихия, близкая к демонической, к изначальной тьме. У вампиров другая природа. Вы — как если бы рыба научилась летать.

— Красивое сравнение.

— Я серьёзно. Если мы поймём, как это работает, мы сможем помочь другим. Лечить магические болезни. Восстанавливать утраченные дары. Спасать жизни.

— А если поймёте, что я — угроза?

Марк замолчал. На его лице мелькнуло что-то, чего Лилит не смогла прочитать.

— Тогда, — сказал он тихо, — мы будем решать эту проблему. Вместе.

— Вместе? — усмехнулась она. — Марк, вы же маг. Вы знаете историю.

— Я не Гильдия. Я — это я.

Она посмотрела на него внимательнее. В зелёных глазах мага не было той холодной расчётливости, которую она ожидала увидеть. Было что-то другое. Что-то, похожее на... интерес? На увлечение? На то, с чего начинаются большие проблемы?

— Я подумаю, — сказала она наконец. — Но обещаний не даю.

— Большого и не прошу.

Он протянул ей руку. Простой жест, человеческий, без намёка на поцелуй или придворный этикет. Лилит посмотрела на его ладонь — широкую, в мозолях (маги тоже работают руками, оказывается), с обожжёнными кончиками пальцев.

Она пожала её.

И в этот момент почувствовала **взгляд**.

Тот самый. Тяжёлый, предупреждающий, собственнический.

Она обернулась.

Каин стоял в своём углу и смотрел прямо на них. На неё и на Марка. На их руки, всё ещё соприкасающиеся. В его разноцветных глазах не было ревности — это слово было слишком мелким для того, что она увидела. Там была **оценка**.

Холодная, спокойная, смертельная оценка угрозы.

Лилит отдернула руку быстрее, чем следовало.

— Мне пора, — сказала она Марку. — Увидимся.

И ушла, не дожидаясь ответа.

Она нашла Каина там же, где и ожидала — в его углу, в его темноте, в его вечном одиночестве.

— Ты следишь за мной, — сказала она, подходя.

Он не шелохнулся. Даже не повернул головы.

— Смотрю, — поправил он. Голос у него оказался низким, хриплым, с каким-то звериным рыком на заднем плане.

— Слежка — это когда прячутся. Я не прячусь.

— Тогда что ты делаешь?

— Жду.

— Чего?

— Пока кто-нибудь не попытается тебя убить.

Лилит моргнула.

— Серьёзно? Ты здесь... охраняешь меня?

— Работа такая.

— Кто тебя нанял?

— Никто.

— Тогда почему?

Он наконец повернул голову и посмотрел на неё. Вблизи его глаза были ещё более странными — один светился золотом, другой горел тёмным гранатом. На лице — россыпь мелких шрамов, самый заметный — через левую бровь. Губы — тонкие, жёсткие, не привыкшие к улыбкам.

— Ты пахнешь, как я, — сказал он просто.

— В смысле?

— Ты пахнешь одиночеством. Изгоем. Тем, кто не вписывается. Я таких узнаю за милю.

Лилит почувствовала, как что-то сжалось в груди. Опять это тёплое, неуместное, опасное.

— Я не изгой, — возразила она. — Я глава Дома.

— Белая ворона среди ворон. Хуже изгоя.

Она хотела возразить, но поняла, что нечем.

— Спасибо, — сказала она вместо этого. — За охрану.

— Не за что. Я не ради спасибо.

— А ради чего?

Он посмотрел на неё долгим взглядом. Потом перевёл глаза на толпу, где Томас уже вышел из Малой Зелёной гостинной и теперь о чём-то беседовал с Элоизой.

— Тот маг, — сказал Каин. — Он опасен.

— Все опасны.

— Он — по-другому. Он думает, что хочет тебя спасти.

Такие самые страшные. Они готовы убить, чтобы спасти.

— А ты? — спросила Лилит. — Ты готов убить?

— Я готов убить любого, кто подойдёт к тебе ближе, чем на шаг. Без вопросов. Без сомнений.

— И меня?

Он посмотрел на неё. В его глазах мелькнуло что-то, похожее на... нет, не на улыбку. На тень улыбки.

— Ты сама кого хочешь убьёшь. Без меня.

Лилит не нашла, что ответить.

Они стояли в темноте, вдвоём, и смотрели на этот фальшивый, блестящий, смертельно опасный мир, который их не принимал.

И впервые за долгое время Лилит почувствовала, что она не одна.

Бал закончился далеко за полночь.

Лилит вернулась в поместье Драконфельд, когда луны уже начали клониться к горизонту. Себастьян ждал её в холле с бокалом подогретой крови и выражением лица, которое ясно говорило: «Я всё знаю, я всё видел, я всё одобряю, но виду не подам».

— Скучный бал, — бросила Лилит, принимая бокал. — Томас предлагал руку и сердце. Марк — научное сотрудничество. Каин просто стоял в углу и пугал гостей. Элоиза пыталась продать меня каждому встречному по кусочкам.

— А четвёртый? — спросил Себастьян. — Эльф?

— Не появился. — Лилит помедлила. — Но прислал цветов и записку.

Она протянула ему пустую ладонь — пепел давно растворился в тених. Себастьян понюхал воздух, нахмурился.

— Эльфийская магия. Древняя. Очень древняя.

— Я знаю. — Лилит подошла к окну, глядя на разгорающийся рассвет. Магические купола Ноктхейма окрашивали небо в призрачные тона, не пропуская губительного для вампиров солнечного света. — Себастьян, что ты знаешь о

Гекате?

Тишина.

Такая густая, что можно было резать ножом.

Лилит обернулась.

Старый вампир стоял неподвижно, и впервые за семьдесят лет его лицо выражало не сухую иронию, не вечную усталость, а настоящий, неподдельный страх.

— Где вы слышали это имя? — спросил он шёпотом.

— В записке.

— Сожгите записку. — Он шагнул к ней, схватил за руку — впервые позволил себе такую фамильярность. — Забудьте это имя. Никогда, слышите, **никогда** не произносите его вслух. Ни здесь, ни где-либо ещё.

— Себастьян...

— Госпожа, прошу вас. — Он сжал её пальцы так сильно, что даже вампирская кость затрещала бы, будь она слабее. — Это имя из пророчества. Из древнего, забытого, проклятого пророчества, которое сулит смерть всему, что мы знаем. Если кто-то узнает, что вас так называли...

— Кто узнает? И что сделает?

— Все. И всё. — Он отпустил её руку, отступил, взял себя в руки. Лицо снова стало бесстрастным, но в глазах всё ещё плескался ужас. — Простите, госпожа. Я не должен был... Меня просто... Я боюсь за вас.

Лилит посмотрела на него долгим взглядом. На старика, который вырастил её. Который был единственным, кто

остался у неё в этом мире.

— Себастьян, — тихо сказала она. — Я тоже боюсь. Но если что-то идёт за мной, я хочу встретить это лицом к лицу. А не прятаться под одеялом и делать вид, что ничего не происходит.

Она допила кровь, поставила бокал на стол.

— Завтра я хочу знать всё, что ты знаешь о пророчестве. Всё. Без недомолвок. Без «я боюсь за вас».

— Госпожа...

— Это не просьба, Себастьян. Это приказ главы Дома.

Он молчал. Потом медленно, с видимым усилием, кивнул.

— Слушаюсь, госпожа.

Лилит направилась к лестнице, но на полпути остановилась.

— И ещё. Тот тип, что назвал меня «гранатовой сучкой» на балу. Сынок третьестепенного Дома, молодой, наглый, с дурацким смехом. Узнай, кто это. Узнай, где живёт, чем дышит и с кем спит.

— Зачем?

— Затем, что завтра я нанесу ему визит. С тенью. И объясню, почему называть гранатовыми сучками девушек с кинжалами из тьмы — плохая идея. Очень плохая идея. Возможно, последняя в его жизни.

Себастьян вздохнул. Но в уголках его губ дрогнула улыбка — первая за этот долгий, тяжёлый вечер.

— Слушаюсь, госпожа.